

Егор Зайцев, байкер и художник

ТАКОЙ публики, как на его показах в Доме моды на проспекте Мира, не встретишь нигде. Суровые дядьки, затянутые в кожу, с болтающимися, как эполеты, песцовыми хвостами и надписью "Night Wolf" через всю спину, возле входа вместо "мерседесов" - крутые мотоциклы. От его моделей, как и от самого модельера, веет легким привкусом хулиганства. Для новой коллекции Дома моды Славы Зайцева "Чума" он нарисовал такое нижнее белье, что все поклонники садо-мазохистского стиля в одежде просто локти бы себе пообкусывали от зависти.

Я НИКОГДА не работал с дорогими тканями - просто потому, что мне это неинтересно, мне их жалко. В дорогой ткани главное - не испортить ее, а я совсем не чувствую всю эту роскошь с названиями "органди" или "муар". Ведь все наши молодые модельеры прекрасно рисуют и совсем не знают тканей - их этому просто не учат. Я так про ткани в основном все на военной кафедре узнал - когда на ощупь, вслепую надо было определить артикул ткани и ее состав. А французов чуть ли не с детства учат делать свои модели на манекене из целого куска материи, только с помощью булавок. Поэтому искусством драпировки они владеют в совершенстве.

Мне же больше нравится заниматься формой, какими-то внутренними конструктивными делами. Для этого подходят самые примитивные ткани - плащевка, фланель или драп. А когда ты берешь дорогую ткань, да в нее еще закладываешь кучу своих идей, то получается ужасная безвкусица.

Что касается каких-то честолюбивых и карьерных дел, то я человек инфантильный. Я работаю в Доме моды и уже получаю свой кайф - от самой работы. И мне совершенно не нужно где-то светиться.

А СЫНА преуспевающего модельера Егора предпочитавший шикарным пиджакам нечто черно-джинсово-кожаное, похож довольно мало. На одном из показов в провинции, где

Егор выступал вместо отца, зал его внимательно слушал, а под конец кто-то выкрикнул: "А ты-то, собственно, кто?" Он регулярно пользуется общественным транспортом, из собственных же средств передвижения имеет мотоцикл, на котором носит по ночной (в основном) Москве в компании байкеров, в народе - "бандитов и наркомаков". В дни зарплаты может себе позволить проехаться на такси, а также купить пару кассет и коробочку пленок для "Полароида", чтобы поснимать ребенка. Все остальное уходит на содержание семьи. И "жаба не душит", что большинство ровесников в это время валяжно усаживаются в "вольво" и "линкольны".

- Жаба душит в основном наших манекенщиков, которые любят по сторонам озираться - у кого что есть - и деньги считать. Я по сторонам озираться, да и вообще высовываться не люблю. Предпочитаю, как волк, прижиматься поближе к земле. Не потому, что боюсь, а просто от комплексов - что люди скажут. Отцу, например, внимание народа нравится, тем более, что он его заслужил. Он автографы раздает, а на меня когда кто-нибудь смотрит, у меня только две мысли возникают: "О, зараза, чего смотришь. Не нравится, как оделся?" или "Не дай Бог, узнал!" Это еще хуже. Сразу же хочется дать по физиономии. А с другой стороны, если дашь, крики начнутся: "Вот, артист, чего творит-то! Небось у папеньки в милиции все схвачено!" И это не от скверности характера - просто я привык к ненависти, потому что всегда одевался не так, как остальные. Все бабки от нас шарахались, взгляды косые постоянно...

А материальные блага... У меня и папа, и мама очень простые, у них никогда не было ни дач, ни машин. По выходным, когда служебная машина не работает, Вячеслав Михайлович к нам на автобусе ездит - на внучку посмотреть. Один раз у него талончиков не оказалось - так он пешком по лужам шлепал, в белом плаще. Для отца это не игра в демократию - просто он так воспитан. Он дома себе сам все стирает и деньги заработанные прежде всего тратит на ремонт Дома моды, а в квартире у него плита какая-то дряхлая стоит, и у очков все дужки разломаны...

Просто люди становятся слишком зависимыми от благ, от денег. А я свободен. У тех людей, с которыми я общаюсь, в "Сэкстоне" например, зависти по поводу машин или других материальных ценностей не возникает - там могут позавидовать мотоциклу или перстню какому-нибудь навороченному. А я завидую только отцу, когда вижу какие-то его эскизы или когда наткнулся на какую-нибудь идею в журнале и думаю: "Ну как все просто, как же я до этого не додумался!" Но это такая белая зависть.

Как ни странно, комплекс "сына известного родителя" появился у Егора не в глубоком детстве, а когда он уже был "в трезвом уме и здравой памяти".

- В детстве как раз было проще, так как Зайцев был больше известен за границей,

чем в Союзе. Это сейчас, я знаю, Андрюшу, сына Коли Караченцова, в школе часто обижают исключительно из зависти к положению отца. Я же в школе был на "приближенном положении" исключительно из-за того, что умел хорошо рисовать - мне даже "шесть" по рисованию однажды поставили. И при этом носил длинные волосы, занимался боксом и постоянно вводил моду на какую-то фицию - то джинсы мехом подшивал, то значки какие-то придумывал.

Я очень благодарен улице за то, что не стал маменькиным сыночком, хотя и нежность, и романтика во мне еще остались. Но при этом я умею ругаться, драться, неприхотлив в еде. Помню, на каком-то приеме в Германии вместе с женой Хонеккера мы пили вкусные дорогие напитки, а через несколько месяцев с друзьями на юге - облепиховый лосьон от перхоти. Ни на что другое у нас денег не хватало.

Я ВИДЕЛ в жизни и верх, и дно. В юности вообще жил, как мартовский кот - из дома уходил на неделю, мог вместе с уголовниками и полубомами пить какой-то портвейн с сухками. Потом через неделю возвращался домой, отошавший, глаза блестят, очень хотелось работать, стихи писать. Я такой жизнью вдохновлялся, кланусь! Я был очень зол на себя, понимал, какая я скотина, что родители за меня волнуются. И оттого, что я так себя ненавидел, мне хотелось реабилитироваться - в творчестве.

Такой же творческий зуд на меня напал после того, как из-за границы приехал - посмотрел там всего интересного. До сих пор не знаю, после чего мне больше хочется работать - после бессонной ночи в байкерском клубе или после общения с интересными людьми.